№ 31

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛИСТА.

Ст. Петрашкевичъ.

(Струмилинъ).

Про ЗЕМЛЮ и СОЦІАЛИЗМЪ.

Слово соціалдемократа КЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ БѢДНОТѢ

„Не бо да инымъ убо отрада вамъ же скорбь, но по изравненію... Яко да будетъ равенство".

Апостолъ Павелъ.

Изданіе 2-ое, исправленное

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Изъ книгъ
[illegible] ЦЕДЕРБАУМЪ

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

256
32

Про землю и соціализмъ.

„Не бо да инымъ убо отрада, вамъ же скорбь, но по изравненію. Въ нынѣшнее время ваше избыточествіе во онѣхъ лишеніе, да и онѣхъ избытокъ будетъ въ ваше лишеніе, яко да будетъ равенство“.

Ап. Павелъ, 2-ое Корине., гл. 8, ст. 13—14.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ съ проповѣдью равенства выступилъ Христосъ съ его учениками. Это были простые, безхитростные труженики—плотники, рыбаки, земледѣльцы. Ихъ честныя сердца не мирились съ тѣмъ порядкомъ вещей, при которомъ кучка бездѣльниковъ-дармоѣдовъ, накопивъ въ своихъ рукахъ неисчислимыя богатства, господствовала надъ всѣмъ остальнымъ трудящимся людомъ, обрекая его на вѣчную нищету и безправіе. И всѣмъ дармоѣдамъ они говорили просто и ясно: Кто не хочетъ работать, тотъ пусть и не ѣстъ [1]). А всѣмъ прочимъ они прибавляли къ этому: „Да не будетъ инымъ отрада, а вамъ скорбь; не годится, чтобы одни наслаждались, когда другіе страдаютъ; недопустимо, чтобы одни терпѣли лишеніе въ томъ, чего у другихъ больше, чѣмъ надо, избытокъ,—должно же быть равенство“. И вотъ за эту проповѣдь ихъ распинали.

[1]) Ап. Павелъ, 2-ое Солунянамъ, гл. 3, ст. 10.

Въ наши дни съ подобной проповѣдью выступаютъ другіе труженики—рабочіе соціаль-демократы. И ихъ за это донынѣ тоже всячески преслѣдовали—гноили по тюрьмамъ, вѣшали, разстрѣливали.

Христіанъ давно ужъ перестали преслѣдовать. Покладистые церковники безъ труда примирились съ неравенствомъ и, приспособивъ ученіе Христово къ потребностямъ богатыхъ и сильныхъ, ничего уже не сулятъ бѣднымъ, кромѣ загробнаго воздаянія. Въ отличіе отъ нихъ рабочіе соціаль-демократы не хотятъ откладывать до второго пришествія того, чего можно достигнуть уже теперь. Они думаютъ, что и на землѣ можно устроить лучшую жизнь, и, никому не мѣшая добиваться царствія небеснаго, они сами борются за лучшую *земную* жизнь, за *земное* царство братства, равенства и свободы. И хотя рабочіе соціаль-демократы борются всегда, когда это лишь возможно, исключительно *мирными* средствами, борются своимъ словомъ, силою истины, а не насиліемъ, но все же они совершенно лишены всѣхъ тѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, которыя напоминаютъ собою добродѣтели овечьи.

Какія же это такія добродѣтели?

Нашъ русскій святой, Тихонъ Задонскій, который вообще былъ очень склоненъ «примѣчать» въ овцахъ всѣ христіанскія добродѣтели, а въ христіанахъ—овечьи, такъ ихъ живописуетъ. Прежде всего въ христіанахъ, какъ и въ овцахъ,—говоритъ онъ,—«примѣчается *простота*: когда едину овцу волкъ рѣжетъ, не бѣгутъ прочь, но вси на тое смотрятъ». Такова первая добродѣтель. Затѣмъ и въ тѣхъ, и въ другихъ примѣчается *смиреніе*: «Когда стригутъ ихъ,—молчатъ, и когда бьютъ,—молчатъ». Такова вторая добродѣтель. Затѣмъ слѣдуетъ *по-*

корливость: и тѣ, и другіе «пастухамъ своимъ послушны». Это третья добродѣтель. За ними слѣдуетъ еще цѣлый рядъ другихъ. Такъ, напримѣръ, и у христіанъ, и у овецъ «примѣчается миръ и согласіе, ибо и въ малой хлѣвинѣ много ихъ помѣщается». И тѣ, и другія «когда ѣдятъ, не дерутся между собою». И тѣ, и друіе «весьма алчны», только однѣ къ сѣну, другіе же къ благочестію». И такъ далѣе все въ томъ же родѣ. Такъ что,— заключаетъ святой,— «когда хощеши во оградѣ небесной быть, надобно тебѣ быть неотмѣнно овцею Христовою» [1])

—Спасибо на добромъ словѣ!..— отвѣтятъ на *такую* «христіанскую» проповѣдь рабочіе соціаль-демократы. Только надо сказать вамъ, что насъ, рабочихъ, очень мало соблазняютъ всѣ ваши хлѣвы и ограды. Мы не такъ «смирны», чтобы молча позволить себя *стричь* кому бы то ни было, и мы вовсе не такъ ужъ «просты», чтобы стоять лишь, вытаращивъ глаза по овечьи, и смотрѣть, когда одного изъ нашихъ братьевъ рѣжутъ ваши волки-грабители изъ прибалтійскихъ бароновъ или иныхъ какихъ хищниковъ. Мы знаемъ, что, если сегодня они безнаказанно зарѣжутъ одного, то завтра же примутся и за другихъ. Нѣтъ, намъ нужны не овечьи добродѣтели, а крѣпкій боевой союзъ всѣхъ тружениковъ для взаимной защиты противъ всѣхъ волковъ, хотя бы и въ овечьихъ шкурахъ... И тогда мы разрушимъ всѣ стѣсняющія насъ ограды и разобьемъ всѣ сковывающія нашу свободу желѣзныя цѣпи!..

Такъ отвѣтятъ сознательные рабочіе на слащаво-приторныя поповскія проповѣди смиренія. А если и послѣ этого еще какой-нибудь отъѣвшійся попъ-черно-

---

[1]) Смотри его „Творенія“, т. IV, изд. 5-ое, М., 1889 г, стр. 36.

сотенецъ или, какъ на убой, упитанный пузатый генералъ-усмиритель станетъ имъ пѣть Лазаря про то, что всѣ мы, дескать, должны много перетерпѣть и перестрадать въ этой жизни, чтобы заслужить себѣ жизнь вѣчную. гдѣ всѣ ужъ будутъ вознаграждены по заслугамъ... тогда рабочіе лишь улыбнутся имъ въ отвѣтъ и скажутъ:

Слыхали ужъ пѣсни мы эти давно
И знаемъ пѣвцовъ ихъ породу:
Тайкомъ они сами пьютъ только вино,
А вслухъ проповѣдуютъ воду.

Смиреніе не наша добродѣтель. Призывая въ свой боевой союзъ—рабочую соціаль-демократическую партію—не только городскихъ рабочихъ, но и деревенскую бѣдноту, мы надѣемся сами стать кузнецами собственнаго счастья и свободы. Но, спрашивается, что же надо для этого дѣлать? Какъ нашему народу избавиться отъ той темноты, бѣдноты и всяческаго угнетенія, въ которыхъ онъ пребываетъ?

Вѣдь стыдно сказать, но нельзя утаить, что Россія, во-первыхъ, самая темная и, во-вторыхъ, самая бѣдная изъ всѣхъ передовыхъ странъ стараго и новаго свѣта.

Она самая темная, потому что нигдѣ нѣтъ больше безграмотныхъ, чѣмъ въ Россіи, и нигдѣ нѣтъ меньше школъ, чѣмъ у насъ. Въ большинствѣ другихъ странъ давно уже введено всеобщее обязательное и безплатное обученіе. Тамъ не найдешь, поэтому, ни одного безграмотнаго взрослаго, ни одного не посѣщающаго школы ребенка. А у насъ еще недавно школъ хватало едва на одного изъ каждыхъ шести дѣтей школьнаго возраста, среди же взрослыхъ, особенно въ деревняхъ, чуть-ли не три четверти населенія совершенно безграмотны. Почему

же это? Да потому, что у насъ не хотѣли просвѣщать народъ. Смѣшно сказать: на всѣ городскія, приходскія, начальныя и народныя школы по всей Россіи казна тратила у насъ до революціи 1905 г. меньше, чѣмъ на одну только царскую семью. На всѣ школы еще въ 1905 году было истрачено 12.200.000 рублей, а на содержаніе одной императорской фамиліи—12.845.000 рублей. Даже на тюрьмы правительство расходовало больше, чѣмъ на народныя школы. Въ 1905 году на тюрьмы израсходовано, напримѣръ, 15.753.958 руб., т. е. на $3^1/_2$ милліона больше, чѣмъ на народныя школы. Откуда же тутъ было набираться грамотности? Изъ школъ или тюремъ?

Не много лучше народнаго поставлено у насъ и высшее образованіе. Высшихъ школъ такъ мало, что туда могутъ попасть лишь особые счастливчики, а народъ остается между тѣмъ безъ учителей, безъ докторовъ и вообще безъ образованныхъ людей. Болѣетъ у насъ народъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а докторовъ приходится по отношенію къ населенію разъ въ 5 меньше, чѣмъ во Франціи, разъ въ 7 меньше, чѣмъ въ Англіи. Такой же недостатокъ и въ учителяхъ. Но лучше всего видна отсталость Россіи въ отношеніи народнаго просвѣщенія изъ сравненія такихъ цифръ. Общій расходъ по народному образованію составляетъ на каждаго жителя въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—4 р. 65 к., въ Англіи—3 р., во Франціи—2 р., а въ Россіи всего на всего—17 к. на жителя, то есть въ 12 разъ меньше, чѣмъ во Франціи, въ $17^1/_2$ разъ меньше, чѣмъ въ Англіи, и въ 27 разъ меньше, чѣмъ въ Америкѣ!

Но Россія не только самая непросвѣщенная, она и самая бѣдная страна. По подсчету ученыхъ, русскій че-

ловѣкъ, если всѣ его расходы переложить на деньги, живетъ вдвое бѣднѣе нѣмца, втрое бѣднѣе англичанина и раза въ четыре бѣднѣе новозеландца. Мясомъ, напримѣръ, русскому крестьянину развѣ только въ праздникъ, разъ за цѣлую недѣлю, придется разговѣться, какъ слѣдуетъ. Англичанинъ же ѣстъ его каждый день, и не мало, видно, ѣстъ, если на каждаго жителя, считая даже грудныхъ дѣтей, 130 фунтовъ мяса въ годъ расходуется. Въ Новой Зеландіи, впрочемъ, еще больше его выходитъ, по 260 фунтовъ на душу. Чай или кофе—тоже за границей не по нашему, не въ приглядку да въ прикуску, пьютъ. Сахару въ Новой Зеландіи расходуется на душу въ годъ—100 ф., въ Англіи—91 ф., во Франціи—27 ф., а въ Россіи только отъ 8 до 11 фунтовъ, значитъ, раза въ три меньше, чѣмъ во Франціи и разъ въ 9—10 меньше, чѣмъ въ Англіи и Новой Зеландіи. Впрочемъ, вообще до лакомствъ ли русскому, когда ему и хлѣба насущнаго не хватаетъ. Да, Россія—житница Европы, она кормитъ своимъ хлѣбомъ и нѣмцевъ, и англичанъ, и французовъ, но зато сама голодаетъ чуть не каждый годъ цѣлыми губерніями, цѣлыми областями. Трудно повѣрить, но это несомнѣнная истина, что въ Россіи потребляется хлѣба на каждаго жителя въ *полтора* раза меньше, чѣмъ въ Германіи, почти въ *три* раза меньше, чѣмъ въ Англіи, и ровно *вчетверо* меньше, чѣмъ во Франціи!.. Это значитъ, что русскій мужикъ продаетъ не избытки своего хлѣба, а, прямо сказать, свой послѣдній кусокъ... Вотъ какъ хорошо живется русскому человѣку.

Зато, если станешь сравнивать смертность въ разныхъ странахъ, тутъ ужъ Россія не въ хвостѣ, какъ во всемъ хорошемъ, а въ самомъ началѣ окажется. Въ са-

момъ дѣлѣ. Въ Россіи ежегодно умираетъ на каждую тысячу жителей 32 человѣка, въ Австріи—28, въ Германіи—26, во Франціи—22, въ Бельгіи—19, въ Англіи—18, въ Америкѣ (Канада)—14 и въ Новой Зеландіи—9-10 чел. Какъ видно, чѣмъ страна богаче, чѣмъ богатства распредѣлены въ ней равномѣрнѣе, и чѣмъ свободнѣе въ ней порядки, тѣмъ и смертность ниже. *Лучше и вольнѣе всего живется теперь рабочему люду въ Новой Зеландіи. Новозеландецъ живетъ вчетверо богаче русскаго.* Земли тамъ у всѣхъ вдоволь, управляютъ страной выбранные всѣмъ народомъ—и мужчинами, и женщинами—представители, при чемъ рабочіе попадаютъ даже въ министры. Свобода тамъ полная. И вотъ оказывается, что и умираетъ тамъ втрое меньше народу, чѣмъ у насъ. Спрашивается, сколько же у насъ гибнетъ ежегодно отъ нашей нищеты и нашихъ порядковъ лишнихъ человѣческихъ жизней по сравненію съ этой Ново-Зеландіей? А вотъ сколько. На каждую тысячу жителей—22 жизни, а на всѣ 160 мил. населенія Россіи—*свыше трехъ съ половиной милліоновъ*! Это значитъ, что, введи мы и у себя новозеландскіе порядки, мы избавляли бы этимъ ежегодно отъ смерти, не говоря уже о всемъ другомъ, свыше $3^1/_2$ милліоновъ людей, приносимыхъ нынѣ въ жертву нашимъ порядкамъ, нищетѣ и голодной смерти. Есть, стало быть, изъ-за чего постараться.

Но, можетъ, кто-нибудь подумаетъ, что такая страшная смертность, какая наблюдается въ Россіи, зависитъ не отъ нищеты народной, а отъ чего-нибудь другого, напримѣръ, отъ холоднаго, суроваго нашего климата? Не трудно будетъ разубѣдить такого. 32 смерти на тысячу жителей, это средняя цифра для всѣхъ жителей Россіи, взятыхъ вмѣстѣ. Но въ разныхъ мѣстахъ въ зависимости

отъ разныхъ условій жизни она замѣтно колеблется и въ ту, и въ другую сторону. Вотъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, въ Адмиралтейскомъ участкѣ, приходится всего 11 смертей на тысячу жителей, почти какъ въ Новой Зеландіи. Зато въ томъ же Петербургѣ, только въ другомъ участкѣ, а именно, въ 3-емъ Выборгскомъ, приходится ежегодно уже 59 смертей на 1000 жителей, то есть въ $5^1/_2$ разъ больше! Отчего же это такъ? Неужели отъ разнаго климата? Въ одномъ, дескать, участкѣ новозеландскій климатъ, а въ другомъ, тутъ же подъ бокомъ, сибирскій? Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Первый изъ нихъ заселенъ разной знатью, генералами, купцами, банкирами и прочими толстосумами, а второй—сплошь рабочими, т. е. бѣднотой. Вотъ въ чемъ штука. Богатый вездѣ себѣ такой климатъ устроитъ, что и помирать не надо, а для голоднаго бѣдняка вездѣ Сибирь будетъ.

Но и среди бѣдноты смерть выбираетъ свои жертвы не кое-какъ, не зря. Больше всего жертвъ она похищаетъ тамъ, гдѣ нужда особенно сильна, среди бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ. Вотъ нѣсколько цифръ. Средняя годовая смертность среди крестьянъ въ Коротоякскомъ, Задонскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ составляла:

у безземельныхъ	45	смертей на	1000	душъ *)
у крестьянъ съ хозяйствомъ до 5 дес.	39	„	„	—	„
„ „ „ „ отъ 5 до 15 „	32	„	„	—	„
„ „ „ „ „ 15 до 25 „	26	„	„	—	„
„ „ „ свыше 25 „	24	„	„	—	„

Вотъ что значитъ бѣдность. Крестьяне всѣ небогаты. Но даже среди нихъ бѣднѣйшіе чуть не вдвое чаще

*) Цифры относятся только къ смертности среди крестьянъ муж. пола. См. *П. Масловъ* „Объ условіяхъ развитія сельскаго хозяйства...“ стр. 257.

умираютъ, чѣмъ менѣе бѣдные. Какъ же этимъ бѣднѣйшимъ не добиваться лучшей доли? Какъ имъ не добиваться увеличенія надѣловъ?

Не дешево обойдется русскому народу начатая имъ теперь борьба за землю и волю. Господа помѣщики и чиновники крѣпко держатся за свою землю и власть. Они не пожалѣютъ цѣлыхъ потоковъ крови,—чужой, конечно,—чтобы затопить въ ней освободительное движеніе крестьянъ и рабочихъ. Вспомнимъ прошлое. За одинъ только мѣсяцъ, съ 12 декабря по 12 января 1905 г., въ разныхъ мѣстахъ Россіи, по подсчету заграничныхъ газетъ, войсками и полиціей въ междоусобной войнѣ съ народомъ убито 1.203 и ранено 1.624 человѣка. Это кромѣ Москвы, гдѣ за это время насчитываютъ еще 408 убитыхъ и 597 раненыхъ жителей. Жертвы громадныя. Но все же, если сравнить эти *тысячи* кровавыхъ жертвъ освободительнаго движенія съ тѣми *милліонами* ежегодно погибающихъ безкровныхъ жертвъ нищеты и голода, отъ которыхъ разъ навсегда избавитъ Россію лишь рѣшительная побѣда народа,—то даже эти тысячи жертвъ должны показаться пичтожными.

—Россія бѣдна,—скажутъ намъ на это.—У крестьянъ земли теперь слишкомъ мало, въ этомъ нѣтъ спора. Но можетъ быть, она разбогатѣла бы и при старыхъ порядкахъ, если бы дать сроку? Вѣдь крестьяне все же прикупаютъ землю, значитъ, богатѣютъ понемногу.

Нѣтъ, это не вѣрно. Въ томъ-то и горе, что крестьянство у насъ вовсе не богатѣетъ, а, наоборотъ, все больше раззоряется. Если, стало быть, и дальше все пойдетъ по старому, такъ и впереди не на что ему будетъ надѣяться. Землю, правда, прикупаютъ понемножку болѣе зажиточные крестьяне. Самымъ бѣднымъ, то есть

тѣмъ, кто въ ней всего сильнѣе нуждается, не на что, конечно, прикупать ее. Но общее количество крестьянской земли, считая здѣсь и надѣльную и купчую зѣмли, по отношенію ко все возрастающему крестьянскому населенію неуклонно изъ года въ годъ все падаетъ и падаетъ. Въ 1860 г. на каждую сотню душъ крестьянъ мужского пола приходилось 483 дес. земли, въ 1880 —уже только 382 дес., а въ 1900 г. еще меньше,—всего 305 дес. и надѣльной, и купчей земли вмѣстѣ. На душу обоего пола, то есть на каждаго ѣдока, это едва составитъ $1^1/_2$ дес. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и количество скота въ каждомъ хозяйствѣ. Въ 1851 г. на каждую сотню душъ населенія приходилось у насъ 87 головъ крупнаго скота, въ 1864 г.—74, въ 1876 г.—68 и въ 1888 г.—64.

Крестьянинъ все бѣднѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и урожайность земли. Средній урожай озимыхъ хлѣбовъ для всей Россіи въ 1893—96 годахъ составлялъ, напримѣръ, 45 пудовъ съ десятины, а въ слѣдующемъ четырехлѣтіи—уже только 43 пуда. Не то въ другихъ странахъ. Тамъ урожайность все растетъ и въ общемъ въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ у насъ. Вотъ для сравненія нѣсколько цифръ. Въ Россіи за вычетомъ сѣмянъ собираютъ пшеницы съ десятины—28 пудовъ, въ Америкѣ—50 пудовъ, во Франціи—70 пуд., въ Германіи—77 пуд., въ Англіи же даже 124 пуда, то есть въ $4^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ Россіи. Отчего же зависитъ такая разница? Отчего такъ плохо родитъ наша мужицкая земля по сравненію съ заграничной?

—Да оттого,—сообразитъ какой-нибудь помѣщикъ,—что нашъ мужикъ совсѣмъ не умѣетъ обращаться съ землей. Ее, матушку, надо холить, ухаживать за ней, унаваживать ее. Вонъ англичане-то—птичьимъ пометомъ

свою землю навозятъ, изъ-за три-девяти земель не жалѣютъ расходовъ привозить его. Отъ засухи у нихъ искусственное орошеніе примѣняется. Работаютъ они не допотопными сохами, а паровыми плугами да сѣялками, да жнейками-сноповязалками. Вотъ и урожаи у нихъ хорошіе.—Вѣдь дознано изъ опыта, насколько такими мѣрами можно повысить урожайность земли. Чего же нашъ мужичекъ зѣваетъ? Вотъ если бы онъ и у себя завелъ такіе же земледѣльческіе порядки, если бы онъ хозяйничалъ не такъ, какъ богъ на душу положитъ, а какъ ученые агрономы совѣтуютъ, тогда бы и у него земля родила не хуже, чѣмъ у англичанъ.

—Эхъ-ма, господинъ хорошій,—могутъ сказать на это крестьяне.—Земля наша, вишь, больше навозъ любитъ, чѣмъ ученые совѣты, а навозу-то у насъ, какъ на грѣхъ, много меньше, чѣмъ хорошихъ совѣтовъ. Ваши агрономы, со своими совѣтами въ русской деревнѣ, похожи на доктора у постели умирающаго съ голоду.—Ты совсѣмъ, дружекъ, здоровъ,—скажетъ такой докторъ умирающему, тебѣ надо лишь хорошее питаніе, бульонъ, котлетки, стаканчикъ хорошаго портвейну передъ каждой ѣдой, и черезъ недѣльку—другую у тебя будетъ такой же цвѣтущій видъ, какъ и у меня... Правильно онъ говоритъ, нѣтъ спора. Да только голодному лучше бы отъ него получить хоть сухую корку хлѣба, чѣмъ цѣлую гору добрыхъ совѣтовъ. Такъ и съ агрономами. Хорошіе они намъ даютъ совѣты, не споримъ. Только гдѣ ужъ тутъ думать намъ о нововведеніяхъ, машинахъ, орудіяхъ и другихъ приборахъ, гдѣ унаваживать, когда протопиться нечѣмъ!.. Есть и у насъ въ Россіи урожайныя крестьянскія хозяйства. Взять хоть нѣмецкихъ колонистовъ въ южныхъ губерніяхъ, но въ этихъ хозяйствахъ и земли много,

побольше будетъ, чѣмъ у средняго русскаго крестьянина, да и капиталецъ въ нихъ не маленькій вложенъ. Въ такихъ хозяйствахъ одни орудія и машины стоятъ до 1700 руб., а вся хозяйственная обстановка, со скотомъ, и въ цѣлыхъ 6 тысячъ на дворъ оцѣнивается. Пусть дадутъ нашимъ крестьянамъ такой капиталъ, тогда и ихъ земля не подгадитъ!.. А впрочемъ, на чемъ бы они стали работать и дорогими плугами, сѣялками да жнейками, когда на ихъ клинышкахъ и съ косой-то негдѣ какъ слѣдуетъ развернуться?..

Итакъ, въ томъ, что русскій народъ въ главной своей массѣ идетъ къ раззоренію, а не къ обогащенію, въ этомъ не можетъ быть спора. Но это еще не значитъ, что въ Россіи *всѣ* бѣдны. Наоборотъ, въ Россіи вовсе не мало богатствъ, только громадная часть ихъ находится въ рукахъ немногихъ собственниковъ и правительства, а не въ рукахъ народа. Взять хоть бы землю. У крестьянъ на каждаго ѣдока всей земли, какъ мы видѣли, придется около $1^1/_2$ десятины на кругъ. Зато въ рукахъ только двадцати тысячъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ находится до 45 милліоновъ десятинъ, что составитъ свыше 2 тысячъ десятинъ на брата. Этихъ господъ трудно уже назвать бѣдненькими. Если же отобрать изъ нихъ только 1200 дворянъ, самый бѣдный изъ которыхъ владѣетъ 5.000 десятинъ, то ихъ ужъ и вовсе мудрено будетъ признать бѣдненькими. Въ рукахъ этихъ 1200 помѣщиковъ сосредоточено 21.800.000 дес. земли, то есть чуть не по 18 тысячъ дес. на брата. Въ такое имѣньице можно упрятать 12.000 душевыхъ крестьянскихъ участковъ по $1^1/_2$ десятины. Но и эти громадныя имѣнія прямо букашки по сравненію съ самыми крупными у насъ царскими имѣньями—удѣлами и кабинетскими землями. Они соста-

вляютъ только въ Европейской Россіи*) свыше 8 милліоновъ десятинъ. Это такое имѣньице, что въ него безъ труда можно было бы упрятать Бельгійское королевство и Нидерланды да еще на прибавку сунуть королевство Саксонское,—три королевства влѣзло бы въ это имѣньице! Таковы у насъ нѣкоторыя земельныя богатства.

Не маленькія тоже богатства всякаго рода сосредоточены у насъ по разнымъ монастырямъ, которыхъ насчитывается въ Россіи свыше 700. Такъ, напримѣръ, Александро-Невская лавра въ Петербургѣ собираетъ, если вѣрить газетамъ, до полутора милліона рублей въ годъ доходовъ. Изъ этой суммы игумену достается сверхъ жалованья 65 тыс. руб. въ годъ, отцу эконому—свыше 20 тыс., прочимъ 70 монахамъ—250 тыс., остальное поступаетъ въ капиталъ лавры. Недурно, должно быть, живется дающимъ обѣты нищенства святымъ отцамъ изъ нашихъ монастырей. Вотъ что значитъ, за Богомъ молитва не пропадаетъ. Еще богаче Троице-Сергіева лавра, подъ Москвой. Капиталъ этого монастыря составляетъ, будто бы, цѣлыхъ три милліарда,— 3 тысячи милліоновъ рублей!.. Это значительно больше всѣхъ военныхъ издержекъ за японскую войну. А между тѣмъ наше монашество не покрыло своими пожертвованіями на эту войну и одной стотысячной доли этихъ издержекъ. Это показываетъ, что, если даже доходы монастырей и преувеличены нѣсколько газетными свѣдѣніями, во всякомъ случаѣ святые отцы не слишкомъ щедры, когда дѣло идетъ о спасеніи Россіи отъ позора и раззоренія... Богатства разныхъ графовъ и князей тоже громадны. Такъ, одинъ великій князь, недавно умершій въ Москвѣ, оставилъ, по газет-

*) Царскія земли (кабинетскія) въ Сибири составляли до 50 милл. дес.

нымъ свѣдѣніямъ, своей женѣ наслѣдство въ 400 мил. рублей. Что же касается богатствъ простыхъ смертныхъ, то есть помѣщиковъ, банкировъ, промышленниковъ и чиновниковъ, то, по расчету министерства финансовъ, они ежегодно приносятъ до *двухъ милліардовъ рублей* однихъ только чистыхъ доходовъ, за вычетомъ всѣхъ налоговъ и пошлинъ.

Бѣдна, стало быть, очень бѣдна наша страна, да не ровна. На сотню милліоновъ бѣдствующихъ тружениковъ наберется и у насъ какая-нибудь сотня тысячъ господъ-тунеядцевъ, которые по горло въ золотѣ, какъ сыръ въ маслѣ, катаются. Попробуемъ же разобрать, отчего происходитъ и эта бѣдность, и это богатство. Попробуемъ разгадать, отчего это русскій рабочій людъ такъ поразительно бѣденъ по сравненію съ нѣмцами или англичанами.

Разгадать эту загадку очень не трудно. Собирать тамъ, гдѣ не сѣяли, и пожинать безъ труда милліонные доходы ухитряются лишь весьма немногіе господа толстосумы—помѣщики и капиталисты. Весь же остальной народъ кормится своимъ трудомъ: сколько заработаетъ, столько у него и есть. Посмотримъ же теперь, какъ оплачивается трудъ въ разныхъ странахъ. Картина получится поучительная. Если взять русскаго фабричнаго, то окажется, что ему платятъ раза въ *четыре* меньше, чѣмъ, напримѣръ, американцу или новозеландцу. Если русскій фабричный зарабатывалъ въ среднемъ рублей 200 въ годъ, то американецъ или новозеландецъ получалъ на той же работѣ не меньше 800 рублей въ годъ. Немудрено, стало быть, что русскій рабочій и жилъ вчетверо бѣднѣе новозеландскаго. Но трудъ фабричныхъ еще хорошо оплачивается. Батраку-земледѣльцу много

хуже приходится. Въ Америкѣ ему даютъ все же рублей 500 за годъ, въ Англіи—уже только 310, во Франціи—250 р., въ Голландіи—200, въ Германіи—180, въ Италіи—100, а нашъ русскій помѣщикъ давалъ всего 60 за годъ и то еще плакалъ, что батраки его совсѣмъ раззоряютъ. При такихъ нищенскихъ заработкахъ русскому рабочему люду не угоняться, конечно, за нѣмцами или англичанами. Гдѣ жъ ему проживать столько, сколько они проживаютъ?

—Почему же это,—спросить насъ читатель,—почему же это русскому фабричному платятъ вчетверо, а батраку такъ даже въ восемь разъ меньше, чѣмъ въ Америкѣ или Новой Зеландіи? Неужели же тамъ во столько разъ больше трудится рабочій по сравненію съ нашимъ?

Нѣтъ, не поэтому, Въ Новой Зеландіи работаютъ, напримѣръ, не больше 8 часовъ въ день, значитъ, даже много меньше, чѣмъ въ Россіи. Дѣло не въ этомъ, значитъ. Дѣло въ томъ, что русскаго рабочаго обираютъ много ловчѣе наши фабриканты и помѣщики, чѣмъ за границей. Тамъ наниматель доволенъ, если онъ выжметъ изъ своихъ рабочихъ 3—4 коп. на рубль своего капитала, а у насъ каждый норовитъ высосать изъ нихъ рубль на рубль. Тамъ даютъ рабочему 500—800 руб. заработку въ годъ и все же себѣ пользу имѣютъ, а у насъ за 60—200 цѣлковыхъ велятъ Бога молить, какъ за благодѣяніе большое. Сколько же у нихъ остается въ карманѣ отъ такого „благодѣянія“, о томъ они, конечно, скромно помалкиваютъ. Такова у насъ доля наемныхъ рабочихъ. Ну, а тѣ крестьяне, которые ни къ кому не нанимаются, а сами кустарничаютъ или на своей землѣ хозяйничаютъ? Тѣ какъ живутъ? Развѣ лучше фабричныхъ? Какой тамъ. По вычисленію статистиковъ, средній

доходъ крестьянина-земледѣльца *вдвое*, а крестьянина-кустаря *вчетверо* меньше заработка фабричнаго. Ихъ, значитъ, еще ловчѣе обираютъ. Кто же и какъ ихъ обираетъ?

Прежде всего обираютъ ихъ, конечно, разные крупные и мелкіе капиталисты: маклаки, скупщики, торговцы и прочіе коммерсанты. Продавать все они норовятъ крестьянину втридорога, а покупаютъ у него втридешева. За фунтъ сахару, напримѣръ, крестьянинъ заплатитъ копѣекъ 16—20, тогда какъ красняя цѣна ему, вмѣстѣ съ акцизомъ, 7—8 к., а безъ акциза, гдѣ-нибудь въ Лондонѣ, его продаютъ по 5—6 коп. за фунтъ и то еще выгоду имѣютъ. Не меньше переплачиваетъ нашъ крестьянинъ капиталистамъ и на ситцѣ, и на ниткахъ, и на иголкахъ, и на всякомъ другомъ фабричномъ товарѣ. Зато его собственный крестьянскій товаръ у него покупаютъ, словно изъ милости, за гроши мѣдные. При этомъ, чѣмъ крестьянинъ бѣднѣе, чѣмъ сильнѣе онъ нуждается въ деньгахъ, тѣмъ сильнѣе подпадаетъ онъ подъ власть капитала, тѣмъ больше соковъ выжимаютъ у него при всякой куплѣ-продажѣ. Возьмемъ, напримѣръ, главный предметъ крестьянской купли-продажи — хлѣбъ. Продавать и покупать его приходится чуть ли не каждому крестьянину. Крестьянская бѣднота продаетъ его изъ нужды, ради уплаты разныхъ долговъ и повинностей, поэтому она продаетъ его дешево, за безцѣнокъ, а по веснѣ остается безъ хлѣба и ужъ волей-неволей покупаетъ его по какой угодно цѣнѣ, лишь бы не умереть съ голоду. Кулаки деревенскіе, наоборотъ, покупаютъ хлѣбъ по осени не изъ нужды, а ради наживы, чтобы по веснѣ перепродать его съ выгодой иной разъ тѣмъ же самымъ бѣднякамъ, у которыхъ они его купили. Для

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

наглядности приведемъ такой примѣръ. По вычисленію статистиковъ, крестьяне Красноуфимскаго уѣзда Пермской губ., засѣвающіе:

до 5 дес., продавали рожь по 68 к., а покупали ее по 72 к. за п.
отъ 5 до 15 „ „ „ „ 74 „ „ „ „ „ 71 „ „ „
свыше 15 „ „ „ „ 79 „ „ „ „ „ 66 „ „ „

Всего хуже, стало быть, приходится самымъ бѣднымъ: продавать имъ приходится свой хлѣбъ дешевле всѣхъ другихъ продавцовъ, а покупать, наоборотъ, дороже всѣхъ. Вотъ почему крестьянскіе кулаки-толстосумы такъ быстро идутъ въ гору за счетъ раззоряющихся бѣдняковъ, а крестьянская бѣднота еще сильнѣе бѣднѣетъ, бѣднѣетъ до того, что въ ея избахъ зачастую даже клопы и тараканы колѣютъ съ голоду. Но мужикъ, видно, живучѣе клопа, и, сколько его ни обираютъ, сколько его ни закабаляютъ, продолжаетъ надрываться за работой, холодать и голодать для того, чтобы другимъ жилось еще сытѣе и теплѣе, чѣмъ имъ и безъ того ужъ живется...

Кромѣ этой капиталистической, кулацкой кабалы, которая со всѣхъ сторонъ опутываетъ своими сѣтями крестьянскую бѣдноту, ее одолѣваетъ еще *кабала помѣщичья*. Пользуясь крестьянскимъ малоземельемъ, господа помѣщики сдираютъ съ крестьянъ въ видѣ аренды, сколько лишь ихъ душенькѣ угодно. При этомъ, по мѣрѣ того, какъ растетъ крестьянское малоземелье, арендная плата помѣщиками все повышается. Съ 1870 года по 1889 годъ она возросла въ Европейской Россіи въ среднемъ раза въ *полтора*, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужда въ землѣ особенно велика, и еще больше. А крестьянская нужда въ землѣ растетъ и растетъ. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ въ 50-ти губерніяхъ Россіи крестьяне

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

арендовали до 46 милліоновъ десятинъ земли, выплачивая за нее ежегодно около 300 милліоновъ рублей арендной платы. Теперь въ тѣхъ же губерніяхъ арендуется до **50** милліоновъ десятинъ и выплачивается не меньше **315** милліоновъ рублей, по **25** рублей на кругъ съ каждаго арендующаго двора, при чемъ арендуетъ чужую землю почти половина всѣхъ крестьянскихъ дворовъ. Помѣщикамъ такъ выгодно, не затрачивая ни гроша на обзаведеніе машинами, рабочимъ скотомъ и прочимъ инвентаремъ, ограбить съ крестьянъ въ видѣ аренды такую уйму денегъ, что большинство изъ нихъ сдаетъ крестьянамъ почти всю свою землю. Лишь въ такихъ многоземельныхъ губерніяхъ, какъ Херсонская или Самарская, гдѣ у крестьянъ и своей земли много, помѣщикамъ приходится вести самимъ крупное земледѣльческое хозяйство, пользуясь для этого наемнымъ трудомъ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ они оставляютъ подъ собственную запашку зачастую едва одну пятидесятую долю всей своей удобной земли,—все остальное идетъ въ аренду.

Тяжелѣе всего приходится отъ этой аренды опять-таки самымъ бѣднымъ крестьянамъ. Крестьяне побогаче могутъ заплатить аренду во время и наличными, поэтому она имъ обходится не такъ ужъ дорого. Крестьяне же побѣднѣе заплатить наличными не въ состояніи. Этимъ бѣднякамъ помѣщики даютъ „льготу“,—сдаютъ имъ землю исполу или за отработки. Здорово приходится крестьянской бѣднотѣ отдуваться за эту льготу, потому что испольная или отработочная аренда обходится имъ чуть не вдвое дороже денежной. Это уже получается такая кабала, что и отъ крѣпостной, пожалуй, не такъ тяжело приходилось.

Не хуже, однако, помѣщичьей донимаетъ крестьянъ

налоговая кабала. Налоги, правда, идутъ въ казну не только съ крестьянъ, но и со всѣхъ прочихъ сословій, но распредѣляются они крайне неравномѣрно, и всею своею тяжестью ложатся именно на крестьянъ и, вообще, на бѣдныхъ. Въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ хоть поземельные *налоги.* Съ десятины крестьянской земли всякихъ казенныхъ платежей (въ среднемъ по 59 губерніямъ) берутъ 77 коп., а съ десятины господской—2 коп., то есть въ 38 разъ меньше. Кромѣ того, земскихъ, мірскихъ и прочихъ платежей на крестьянскую десятину ложится еще 79 к., на барскую—20 к. Всего прямыхъ налоговъ съ десятины надѣльной земли сходитъ, стало быть, 1 р. 56 коп., а съ десятины барской—только 22 коп... Еще неравномѣрнѣе давятъ крестьянскую бѣдноту налоги *косвенные*, которые ему приходится переплачивать въ видѣ акциза въ цѣнѣ водки, сахара, керосина, спичекъ и тому подобныхъ предметовъ. Въ 1906 году русскому народу, считая и винный доходъ, пришлось, напримѣръ, выплатить такихъ налоговъ 818 милліоновъ рублей, раза въ четыре больше, чѣмъ прямыхъ. Съ виду эти налоги кажутся легче другихъ, ихъ платишь незамѣтно по копейкѣ, притомъ они какъ будто ложатся на всѣхъ одинаково, и на богатыхъ, и на бѣдныхъ. Но такъ ли это на дѣлѣ?

На каждаго ѣдока, и богатаго, и бѣднаго, эти налоги дѣйствительно падаютъ почти „равномѣрно“, потому что акцизомъ обложены не предметы роскоши, а такіе товары, которые потребляются, главнымъ образомъ, бѣднотой. Но соразмѣрно ли они падаютъ со средствами каждаго плательщика? Вотъ вопросъ. Если разложить всѣ *818 мил.* руб. косвенныхъ налоговъ на число душъ населенія Россіи, то на каждую душу это составитъ

5 р. 84 к., а на дворъ въ 6 душъ—**35** руб. **04** коп. По расчетамъ статистиковъ, для крестьянъ Московской губерніи эта цифра еще низка. Тамъ каждая средняя крестьянская семья переплачивала ежегодно: на водкѣ—21 р., на сахарѣ—7 руб., на чаѣ—10 р. 40 к., на ситцѣ—3 р. 80 к., на керосинѣ—1 р. 50 к., на табакѣ—30 к., на спичкахъ—21 к., а всего 44 р. 21 к. косвенныхъ налоговъ. Но откуда долженъ взять эти деньги крестьянинъ? Очевидно, съ земли. На каждаго ѣдока приходится 5 р. 84 к. косвенныхъ налоговъ и $1^1/_2$ дес. земли. Стало быть, на 1 дес. придется 3 р. 89 к. такихъ налоговъ. Ну, а помѣщики откуда выплачиваютъ косвенные налоги? Тоже съ земли. Только у нихъ земли приходится не по $1^1/_2$ дес. на душу, а по полторы тысячи десятинъ и больше. Стало быть, на 1 десятину барской земли этихъ налоговъ сойдетъ иной разъ $^1/_3$ коп., а иной разъ и меньше, то есть въ 1.000 разъ меньше, чѣмъ съ крестьянской! Вотъ она какая жульническая штука эти косвенные налоги.

Сколько же крестьянину останется отъ его земли за вычетомъ всѣхъ налоговъ? По расчету министерства финансовъ, средній доходъ отъ земли по 50 губерніямъ за вычетомъ „издержекъ производства“ (то есть за вычетомъ хлѣба, нужнаго для продовольствія земледѣльца и его рабочаго скота, а также для новаго посѣва) составляетъ 4 р. 38 к. съ десятины. Но отсюда нужно вычесть 1 р. 56 коп. прямыхъ и 3 р. 89 к. косвенныхъ налоговъ. Что же останется? Ничего не останется, потому что еще не хватитъ 1 р. 07 к. Это значитъ, что крестьянская земля за вычетомъ налоговъ даетъ своему хозяину чистый убытокъ въ 1 р. 07 к. на десятину, или въ 9 р. 63 к. на дворъ съ надѣломъ въ 9 дес. Вотъ

сколько деретъ казна съ крестьянина! Но это расчетъ на *средній* крестьянскій дворъ, если же его сдѣлать для разныхъ слоевъ крестьянства, и побѣднѣе, и побогаче, то неравномѣрность и тяжесть косвенныхъ налоговъ для самыхъ бѣдныхъ будетъ еще замѣтнѣе [1]). Изъ такого расчета видно, что въ хозяйствахъ съ надѣломъ въ $2^1/_2$ дес. на ѣдока всѣхъ налоговъ падаетъ на десятину 3. р. 89 к., а въ хозяйствахъ съ надѣломъ въ $^1/_2$ дес. на ѣдока—налоги составляютъ уже 13 р. 22 к. съ десятины; первыя, стало быть, даютъ даже „доходъ“... въ 49 к. съ десятины, а вторыя—убытокъ въ 8 р. 84 к. на десятину. Чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ тяжелѣе давятъ его и раззоряютъ налогами. Лишь батрачество и отхожіе промыслы спасаютъ бѣднаго крестьянина отъ окончательнаго раззоренія. Но тутъ отъ попадаетъ изъ огня да въ полымя: кромѣ казны, изъ него начинаютъ высасывать соки и господа помѣщики съ прочими нанимателями.

Теперь мы уже знаемъ, отчего такъ бѣденъ нашъ русскій народъ. Мы видѣли, какъ на его счетъ богатѣютъ, какъ его всячески обираютъ разные толстосумы, помѣщики и правители. Посмотримъ же, какъ и чѣмъ можно помочь главной его массѣ—крестьянству. Какъ

---

[1]) Вотъ такой расчетъ:

	Крестьянская земля.					Барская земля.		
При колич. земли на душу въ десят.	$^1/_2$	1	$1^1/_2$	2	$2^1/_2$	25	250	2.500
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Доходъ на 1 дес.	4 38	4 38	4 38	4 38	4 38	4 38	4 38	4 38
Прям. нал. на 1 дес.	1 56	1 56	1 56	1 56	1 56	22	22	22
Косв. налоги „ „	11 68	5 84	3 89	2 92	2 33	23	$2^1/_3$	$^1/_5$
Всѣ налоги „ „	13 22	7 40	5 45	4 48	3 89	45	$24^1/_3$	$22^1/_5$
Убытокъ „ „	8 84	3 02	1 07	10	—	—	—	—
Прибыль „ „	—	—	—	—	49	3 93	4 $13^2/_3$	4 $15^4/_5$

устранить разные виды кабалы, какими оно опутано? Начнемъ хоть съ податной кабалы. Отчего она зависитъ, почему такъ неравномѣрно ложатся у насъ налоги на богатыхъ и бѣдныхъ? Отчего у насъ больше всего собираютъ *косвенныхъ* налоговъ, которые на бѣдныхъ ложатся въ тысячу разъ тяжелѣе, чѣмъ на богатыхъ?

Отвѣтъ ясенъ. Оттого, что у насъ было *господское*, а не народное правительство. Правительство изъ богатыхъ помѣщиковъ не станетъ во вредъ себѣ облагать большими налогами богатыхъ помѣщиковъ. Это очевидно. Вотъ оно и перелагаетъ всю налоговую тяготу на бѣдныхъ,—ихъ, дескать, много, они и за себя, и за насъ заплатятъ.

—Но развѣ у насъ было господское правительство?—спроситъ какой-нибудь читатель.—А какъ же говорятъ, что у насъ всѣми дѣлами правилъ самъ царь и правилъ самодержавно, никого не спрашиваясь? Почему же вы говорите „господское“, а не царское правительство?

Да потому, что одному царю никакъ невозможно самому управиться съ такимъ громаднымъ государствомъ, какъ Россія. Вотъ онъ и дѣлился своей самодержавной властью съ цѣлой ратью разныхъ чиновниковъ изъ высшей дворянской знати. Каждый изъ этихъ чиновниковъ самъ дѣлался маленькимъ самодержцемъ въ своемъ вѣдомствѣ, губерніи или уѣздѣ и правилъ всѣмъ по своему произволенію, никого ни о чемъ не спрашиваясь. Вотъ потому-то всѣ чиновники и стоятъ такъ крѣпко за царское самодержавіе, что *на дѣлѣ* оно означаетъ ихнее, господское, самодержавіе. Да и какъ имъ не стоять за него? Вѣдь, благодаря ему, они у насъ дѣлали все, что хотѣли. Они и законы составляли, они и жалованье себѣ назначали... да не махонькое: на

содержаніе 21-й тысячи болѣе крупныхъ чиновниковъ у насъ шло ежегодно изъ народнаго кармана свыше 72 милліоновъ рублей. На кругъ это составитъ по $3^1/_2$ тысячи на брата, но высшимъ изъ нихъ доставалось гораздо больше, по 50 и по 80, и по 90 тысячъ въ годъ на каждаго, не говоря уже о царской семьѣ, на которую шло свыше 12.800 тыс. рублей въ годъ.

—Не дешево же обходилось народу наше царское правительство.

Не дешево. А если принять въ расчетъ нашу бѣдность, то и вовсе, можно сказать, *не по карману* намъ такое дорогое правительство. Народное правительство обошлось бы намъ много дешевле. Вонъ въ 1871 году въ Парижѣ, когда вся правительственная власть попала на время въ руки рабочихъ, то они не назначили себѣ по 80 тысячъ рублей жалованья, какъ наши царскіе министры, а продолжали и на своихъ новыхъ мѣстахъ получать все ту же обычную заработную плату.—Если насъ народъ удостоилъ своимъ избраніемъ, то довольно съ насъ того почета и довѣрія, какое онъ оказалъ намъ своимъ выборомъ. За что же мы его будемъ еще грабить непомѣрными жалованіями? Довольно съ насъ и такой платы, какую получаютъ и другіе простые труженики. Развѣ трудъ министра тяжелѣе труда молотобойца или пахаря? Правда, его трудъ умственный, онъ много сложнѣе ручного труда, но зато и много пріятнѣе, особенно, если сознаешь, что работаешь не для себя только, но и для всего своего народа...—Такъ разсуждали рабочіе. Но не такъ разсуждали наши министры. Они-то вовсе не о пользѣ народной хлопотали. Они хлопотали только о томъ, чтобы власть за собой подольше удержать. Поэтому на пользу народу у насъ изъ народныхъ

денегъ шло всего 12 милліоновъ рублей (на школы), а для того, чтобы народъ держать въ уздѣ, чтобы было, гдѣ гноить его по тюрьмамъ, чтобы было, кому хватать его „безъ всякаго разбора правыхъ и виноватыхъ“, раззорять и разстрѣливать,—у насъ ежегодно расходовалось на тюрьмы—милліоновъ 15, на полицію—100 милліоновъ и на войско 478 милліоновъ!..

— Но вѣдь войско нужно не только для усмиренія смуты, но и для защиты государства отъ внѣшняго врага?

Это неправда. Для защиты отъ внѣшняго врага вовсе не требуется *постояннаго* войска. Для этого достаточно *всеобщаго вооруженія народа*, или *народной милиціи*, какая существуетъ, напримѣръ, въ Швейцаріи. Тамъ каждый гражданинъ обучается военному дѣлу сызмальства въ школѣ. Каждый получаетъ отъ государства оружіе и въ случаѣ нужды весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, ощетинится штыками противъ врага. Но въ мирное время тамъ не отрываютъ зря ни одного человѣка отъ работы для дурацкихъ маршировокъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ это дѣлается у насъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ не тратятся зря и народныя средства. Если бы, стало быть, и у насъ было такое же народное правительство, какъ въ Швейцаріи, которому нечего опасаться своего же собственнаго народа и постоянно готовить для его усмиренія тюрьмы, шпіоновъ и пушки, то не нужно было бы и у насъ содержать столько тюремъ, полиціи и все постоянное войско. Расходы на эти статьи сократились бы, по крайней мѣрѣ, разъ въ десять.

Но нашимъ правителямъ не было охоты думать о сокращеніи народныхъ расходовъ. Вѣдь налогами-то всѣхъ облагали они. А мы ужъ видѣли, какъ хитро они

умѣютъ переложить всю ихъ тяжесть на бѣдныхъ. Большинство изъ нихъ крупные помѣщики. Въ рукахъ 244 высшихъ царскихъ „дѣйствительныхъ тайныхъ“ и просто „тайныхъ совѣтниковъ“ находится 3.671 тысяча десятинъ земли, по 15 тысячъ десятинъ на брата *). Значитъ, главная масса налоговъ—налоги косвенные—ложится на нихъ въ 1.000 разъ легче, чѣмъ даже на довольно зажиточный крестьянскій дворъ съ надѣломъ въ 15 десятинъ, которому все же еще не такъ тяжело достается отъ этихъ налоговъ, какъ болѣе бѣднымъ крестьянамъ. Чего же нашимъ правителямъ было особо экономничать? Тѣмъ болѣе, что они не только налогами всѣхъ облагали, но они же ихъ собирали, они же ихъ и по вѣтру пускали. Ну, и себя, конечно, не обижали.

Да не только въ налогахъ, а, куда ни повернись, нигдѣ они себя не обижали. Взять бы хоть желѣзныя дороги. Въ первомъ классѣ ѣздятъ только разные сановники да воротилы денежные, а въ третьемъ или въ четвертомъ—въ „телячьихъ“ вагонахъ—бѣднота разная. Такъ вотъ, господа наши чиновники такъ устроили, чтобы за проѣздъ пассажировъ перваго класса расплачивались пассажиры „телячьихъ“ вагоновъ.

—Какъ же это такъ?—скажетъ какой-нибудь недогадливый.—Вѣдь за первый классъ берутъ въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ за четвертый?

Такъ-то такъ. Но надо принять въ расчетъ и то,

---

*) Любопытно, что свыше полмилліона десятинъ эти сановники пріобрѣли уже за время службы. Хуже всего оплачивается у насъ, повидимому, охрана правосудія. Штатскіе генералы этого вѣдомства прикупили всего десятинъ по 30 на брата. Лучше же всего оплачивается служба по „усиленной охранѣ“ самодержавныхъ порядковъ. Генералы этого вѣдомства прикупили по 3.000 дес. на брата!.. Вотъ что значитъ, за царемъ служба не пропадаетъ.

во сколько разъ дороже обойдется казнѣ каждый вагонъ перваго класса противъ „телячьихъ“ вагоновъ, а также и то, во сколько разъ больше народу напихиваютъ въ этотъ телячій вагонъ по сравненію съ вагономъ перваго класса. А сдѣлавъ такой расчетъ, мы увидимъ, что съ каждой сотни рублей, расходуемыхъ на провозъ пассажировъ, желѣзныя дороги возвращаютъ себѣ въ цѣнѣ билета: съ пассажира I класса—только 45 рублей, съ пассажира II класса—91 р., съ пассажира III класса дерутъ уже 106 руб., а съ пассажира IV класса—даже 156 руб. вмѣсто сотни *). Такимъ образомъ господа военные и штатскіе генералы, разъѣзжающіе въ первомъ классѣ, платили за себя меньше половины стоимости проѣзда, а все остальное доплачивали за нихъ—загнанная въ телячьи вагоны „святая скотинка“—мужички сѣренькіе. Ѣдутъ они себѣ по желѣзной дорогѣ куда-нибудь на заработки, заглянутъ ненарокомъ въ первый классъ и думаютъ, что господа генералы тамъ на бархатныхъ подушкахъ почивать изволятъ... А то имъ и не вдомекъ, что не на подушкахъ это, а на ихъ мужицкихъ шеяхъ засѣли господа генералы и катаются себѣ на ихъ трудовые гроши безъ заботы...

—Когда же нашъ народъ избавится отъ этой чиновничьей кабалы? Кто и какъ можетъ спасти его отъ окончательнаго раззоренія косвенными налогами и тому подобными господскими фокусами?

Конечно, никто, если онъ самъ не захочетъ спасти себя. Самъ же народъ, добившись Всенароднаго Учре-

*) Провозъ 1 пассажира со 100 верстъ:

	въ I кл.	во II кл.	въ III кл.	въ IV кл.
обходится дорогѣ	8 р. 34 к.	2 р. 75 к.	1 р. 42 к.	48 к.
а брали съ него	8 „ 75 „	2 „ 50 „	1 „ 50 „	75 „

дительнаго Собранія, легко сможетъ избавиться отъ этой тяготы. Господское правительство онъ смѣнитъ тогда народнымъ, а народные избранники не станутъ такъ хозяйничать въ своей странѣ, какъ это раньше дѣлали царскіе чиновники. Прежде всего они, разумѣется, должны будутъ, по требованію народа, *отмѣнить всѣ косвенные налоги* и замѣнить ихъ однимъ *прогрессивно-подоходнымъ* налогомъ.

—Это что же за налогъ такой?

А это такой налогъ, который берется съ каждаго, *смотря по его доходу*, потому онъ и называется *подоходнымъ*. Но онъ берется только съ избытковъ дохода. Поэтому самые бѣдные граждане совсѣмъ не платятъ его. Въ Пруссіи, напримѣръ, совсѣмъ освобождены отъ этого налога всѣ, кто получаетъ меньше 450 рублей ежегодно доходу. Въ Россіи при нынѣшнемъ разорепіи по этой нормѣ совсѣмъ не платили бы налоговъ чуть ли не девять десятыхъ всѣхъ крестьянъ и всѣ рабочіе. Тѣ же, кто побогаче, платятъ его такимъ родомъ. Если съ дохода въ 1.000 р. берутъ 1 рубль, то съ дохода въ 2.000 р. берутъ уже не рубль и не два, а больше,— скажемъ, рубля три, примѣрно,—то есть налогъ возрастаетъ *быстрѣе*, чѣмъ тѣ доходы, съ которыхъ онъ взимается. Поэтому онъ называется *прогрессивнымъ*. Дѣлается же это для того, чтобы переложить всю налоговую тяготу на самыхъ богатыхъ, кому легче всего нести ее. За такіе именно налоги будутъ стоять въ Учредительномъ Собраніи всѣ представители Рабочей Партіи. Пусть же и крестьяне подаютъ свои голоса на выборахъ только за тѣхъ кандидатовъ, которые станутъ поддерживать это требованіе: *требованіе обложенія богатыхъ прогрессивно-*

подоходнымъ налогомъ и полнаго освобожденія отъ налоговъ всей бѣдноты.

Всенародное Учредительное Собраніе избавитъ народъ отъ закабаленія его казнѣ непомѣрными налогами. Съ уничтоженіемъ косвенныхъ налоговъ и замѣны ихъ прогрессивно-подоходными у каждаго бѣднаго крестьянина рублей 50 въ годъ останется лишнихъ въ карманѣ. Это уже значительное облегченіе. Но этого мало. Крестьянамъ необходимо избавиться и отъ другой—помѣщичьей кабалы, въ какую они попадаютъ изъ-за безземелья. Избавиться же отъ нея вполнѣ возможно лишь однимъ путемъ: путемъ передачи въ руки народа безъ всякихъ выкуповъ всей удѣльной, казенной, монастырской и частновладѣльческой земель... Но отъ кого же крестьянству ждать такого рѣшенія? Отъ тѣхъ изъ бывшихъ царскихъ совѣтниковъ, у каждаго изъ которыхъ по 15 т. десятинъ земли имѣется? Небось, имъ это не на руку будетъ? Отъ царя? Но онъ тоже много разъ заявлялъ, что будетъ охранять „священную собственность“ господъ помѣщиковъ и прочихъ частныхъ собственниковъ. Даже отъ Государственной Думы, въ которой преобладали господа разные, не дождался крестьянинъ землицы. Какъ же быть крестьянамъ? На кого же имъ положиться? Опять-таки, очевидно, только на себя самихъ да на своихъ представителей въ свободно созванномъ Всенародномъ Учредительномъ Собраніи.

Такъ думаютъ соціаль-демократы. Точно также думаютъ и всѣ сознательные крестьяне. Но такія мысли ихъ вовсе не по вкусу „добрымъ друзьямъ“ крестьянъ, господамъ помѣщикамъ.

—Зачѣмъ вамъ Учредительное Собраніе?—станутъ они разводить бобы передъ крестьянами.—Зачѣмъ вамъ

хлопотать о всенародныхъ выборахъ? Выбирайте насъ въ Государственную Думу, а мы ужъ сами о васъ похлопочемъ. Что вамъ? Въ землѣ утѣсненіе? Такъ это что за горе? Переселяйтесь, ребятушки, въ Сибирь. Тамъ насчетъ земли приволье, а мы уже вамъ и пособіе на дорогу какое ни на есть схлопочемъ.

—Нѣтъ, господа хорошіе,—скажутъ имъ на это смекалистые крестьяне.—Бѣдному человѣку не рука такъ далеко переселяться. Дома хозяйство нарушишь, а туда доѣдешь безъ копейки, и тамъ не за что ухватиться. Да и для государства убыточно будетъ переселять насъ сѣрыхъ,—много вѣдь насъ очень. А вотъ ежели-бы вы, господа помѣщики, вздумали въ Сибирь переселиться, такъ это куда-бы для насъ сподручнѣе было. Да и казнѣ выгоднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, что легче сдѣлать: отправить ли въ Сибирь, хоть на казенный счетъ, тѣхъ 20 тысячъ помѣщиковъ, которые владѣютъ сорока пятью милліонами десятинъ земли, и изъ владѣній которыхъ можно бы прирѣзать дополнительные надѣлы по крайней мѣрѣ на 30 милліоновъ душъ крестьянъ, или переселять эти 30 милліоновъ душъ въ Сибирь только для того, чтобы не побезпокоить 20 тысячъ господъ? Неужели безпокойство одного барина значитъ больше, чѣмъ раззореніе цѣлыхъ полуторы тысячъ крестьянъ? Нѣтъ, ужъ коли вы, господа, совѣтуете намъ переселеніе, такъ начинайте сами. Покажите намъ примѣръ, а если ужъ намъ и безъ васъ тѣсно будетъ, тогда и мы станемъ помаленьку двигаться за вами.

—Эхъ, вы, мужичье необразованное!..—осерчаютъ господа помѣщики.—Заритесь вы на барскую землю, хотите прирѣзокъ добиться, а того не знаете, что неоткуда вамъ прирѣзать-то. Много у насъ земли въ Россіи, это

вѣрно, да земля-то эта все, вишь, либо совсѣмъ неудобная—болото, либо лѣсъ *). А лѣсъ распахать у насъ никакъ невозможно, потому что всѣ рѣки пересохнутъ и обмелѣютъ, да и самимъ ни на топку, ни на стройку взять негдѣ будетъ. Всей же удобной земли, безъ лѣсу, и у помѣщиковъ, и у казны, съ удѣлами вмѣстѣ,—милліоновъ 60 дес. наберется, не больше. А у крестьянъ и теперь всей земли милліоновъ 120 будетъ безъ лѣсу. Стало быть, если бы даже всю землю передѣлили, и тогда крестьянскій надѣлъ раза въ *полтора* только бы выросъ. Много ли это, скажите? А коли бы вы завели у себя машины да стали по умному, по заграничному унаваживать да обрабатывать вашу землю, тогда бы у васъ и безъ прирѣзокъ урожаи раза въ *четыре* повысились. Куда бы и малоземелье дѣвалось? Все равно какъ бы надѣлы вчетверо увеличились. Вотъ о чемъ бы вамъ похлопотать теперь, а не о прирѣзкахъ.

Мы и сами не прочь похлопотать объ этомъ,—могутъ сказать крестьяне.—Да на какіе алтыны будемъ мы теперь заводить и машины, и улучшенія, когда вы насъ такъ кругомъ закабалили, что и вздохнуть нечѣмъ. Вонъ теперь мы вамъ одной аренды 315 милліоновъ въ годъ выплачиваемъ, а будетъ вся земля наша, эти деньги у насъ въ карманѣ останутся. Тутъ уже мы ихъ, глядишь, и на улучшенія пустимъ. Такъ съ вашей легкой руки сначала увеличимъ наши надѣлы совсѣмъ на пустяки, да зато въ кабалѣ у васъ не будемъ. А изъ кабалы выберемся, улучшимъ обработку земли, увеличатся уро-

*) По 49 губ. Европ. Россіи всей земли будетъ 404 милл. дес., но удобной не лѣсной площади изъ нихъ только около 184 милл. дес. Смотри всѣ эти цифры въ „Журн. для всѣхъ", № 1, 1906 г., стр. 56—58.

жаи, и совсѣмъ по вашему все выйдетъ,—словно вчетверо земли у насъ прибудетъ.

— Ну, ужъ, коли вы такіе упрямые,—раздобрятся господа помѣщики,—куда ни шло, берите нашу землю. Мы съ казны получимъ за нее наличными, сколько слѣдуетъ, а вы будете потомъ полегоньку съ ней расплачиваться, выкупъ вносить. Этакъ и намъ будетъ не обидно, да и вамъ тоже.

— Вамъ-то это было бы не обидно. Да вотъ, вишь, намъ-то это вовсе не подходитъ. Потому намъ, что аренду вамъ платить, что выкупъ—все едино изъ кабалы вѣчной не выбраться. Нѣтъ, насъ на мякинѣ не проведешь. Довольно ужъ мы вамъ переплатили и въ видѣ аренды. Вѣдь, если все подсчитать, то за сорокъ лѣтъ, платя милліоновъ по 300 въ годъ, мы ужъ переплатили вамъ до 12.000 милліоновъ рублей аренды, а на такія деньги можно бы купить въ полную собственность не 60, а хоть и цѣлыхъ 180 милліоновъ десятинъ земли. Будетъ съ васъ и этого.

— Тутъ ужъ, на такую рѣчь, господамъ помѣщикамъ придется только развѣ запѣть на поповскій ладъ: не по-божески это, дескать, не по-христіански—чужое добро отнимать безъ всякаго вознагражденія.

— А развѣ это по-божески,—отвѣтятъ крестьяне,—что у одного христіанина столько земли, что и курицу выпустить некуда, и онъ голодаетъ, а у другого десятки тысячъ десятинъ, а то и вовсе имѣньице въ три королевства, и онъ не знаетъ, куда дѣвать свои богатства? Развѣ это по-христіански? Вѣдь апостолъ Павелъ ясно сказалъ: „Да не будетъ инымъ отрада, вамъ же скорбь, да не будутъ у однихъ избытки, когда другіе терпятъ лишеніе, да будетъ равенство“. Вотъ этого мы

теперь какъ разъ и добиваемся. Значитъ, какъ разъ по завѣту христіанскаго апостола поступаемъ. Апостолъ, вишь, не завѣщалъ, чтобы богатые отдавали бѣднымъ свои избытки *за выкупъ*. Этого, братъ, ни въ какомъ писаніи не выищешь. Земля должна принадлежать тѣмъ, кто на ней трудится, а не тѣмъ, кто ее лишь, какъ мухи лѣтомъ, насиживаетъ. Вотъ наше мнѣніе.

—Вы, однако, забываете,—скажутъ господа помѣщики,—что всѣ наши земли давно ужъ заложены и перезаложены въ разныхъ банкахъ и у частныхъ лицъ. Если вы у насъ отберете землю безъ вознагражденія, то отъ этого, кромѣ насъ, пострадаютъ, стало быть, и банки, и казна, и многіе частные люди, которые свои деньги подъ залогъ имѣній давали. Тутъ могутъ пострадать и вдовы, и сироты, вообще люди, неспособные къ труду, которыхъ вы лишите всякихъ средствъ къ жизни.

Не такъ ужъ это страшно, могутъ возразить крестьяне. Казнѣ мы довольно ужъ переплатили и за себя, и за другихъ,—не останется она въ обидѣ. Что же касается банковъ, и разныхъ ростовщиковъ, дающихъ свои деньги подъ залогъ имѣній, то и ихъ не больно жалко. Бѣдный не станетъ давать никому своихъ денегъ подъ залогъ, потому что нѣтъ у него столько денегъ. Богатый же, который даетъ ихъ ради наживы, отъ избытковъ, не очень пострадаетъ, если его лишатъ этихъ избытковъ. Если же на сотню тысячъ толстосумовъ-трутней среди пострадавшихъ оказался бы случайно десятокъ-другой дѣйствительно бѣдныхъ людей, вдовъ и настоящихъ, а не казанскихъ сиротъ, такъ неужто же наши народные представители забыли бы ихъ и позволили кому ихъ обидѣть? Нѣтъ, мы сами разберемъ про всякій случай особо и никого зря не обидимъ. Сиротамъ же и вдовамъ,

и вообще неспособнымъ къ труду бѣднымъ людямъ, изъ какого бы они званія ни были, народъ при новыхъ порядкахъ всегда сможетъ оказать дѣятельную поддержку. И не въ видѣ милости, а какъ должное, потому что каждый человѣкъ имѣетъ право на человѣческое существованіе. Не его вина въ томъ, что онъ калѣка или больной, или старый, или ребенокъ, не его вина, что онъ самъ не можетъ заработать себѣ свое пропитаніе. Вотъ если-бы молодой и здоровый захотѣлъ жить на чужой счетъ, это дѣло другое. Мы бы ему тотчасъ напомнили слова апостола Павла: кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь!

—Эге! да вы соціалисты!..—рявкнутъ, наконецъ, съ досады господа помѣщики. Такъ не будетъ же вамъ ни земли, ни Учредительнаго Собранія. Не ждите отъ насъ ничего, кромѣ казацкихъ плетей да пушекъ съ пулеметами!

—Спасибо за откровенность,—скажутъ на это крестьяне.—Только мы и такъ ужъ ничего отъ васъ не ждали. „Крестьянство, объединенное въ одинъ великій союзъ, *добьется* удовлетворенія своихъ требованій о созывѣ Учредительнаго Собранія“. Вотъ на чемъ порѣшило еще въ 1905 г. ноябрьское совѣщаніе всероссійскаго крестьянскаго союза въ Москвѣ. *Добьется* оно и земли. „Въ настоящее время совѣщаніе,—говорится въ его рѣшеніяхъ,—обсудивъ мѣры для скорѣйшей передачи земли народу, постановило: не покупать совершенно земли у владѣльцевъ, не брать ее въ аренду, не входить ни въ какіе другіе земельные договоры; въ случаѣ же, если требованія народа не будутъ удовлетворены, крестьянскій союзъ прибѣгнетъ къ *общей земледѣльческой забастовкѣ*, а именно: откажетъ владѣльцамъ частныхъ

хозяйствъ всѣхъ наименованій въ рабочей силѣ и совсѣмъ закроетъ ихъ. Для организаціи *всеобщей забастовки* союзъ войдетъ въ сношеніе съ рабочимъ классомъ"... Вотъ чѣмъ можетъ отвѣтить рабочій людъ на ваши угрозы, господа помѣщики. Поздоровится ли вамъ отъ этого?..

—Крестьянскій союзъ надѣется на поддержку рабочаго класса,—скажетъ какой-нибудь недовѣрчивый крестьянинъ. А какой расчетъ городскимъ рабочимъ требовать надѣленія землей деревенской бѣдноты? У нихъ вонъ есть свои нужды—8-ми часовой рабочій день и другія требованія, которыя опять-таки намъ вовсе ни къ чему. Такъ поддержитъ ли насъ рабочій классъ?

Непремѣнно поддержитъ. Прежде всего, Рабочая Партія стоитъ не только за городскихъ рабочихъ, но и за сельскихъ батраковъ и вообще за всѣ *народныя* требованія, если они только не клонятся ко вреду наиболѣе угнетенныхъ и обираемыхъ слоевъ народа, то есть городскихъ и сельскихъ наймитовъ—рабочаго класса. Но развѣ надѣленіе крестьянъ землей было бы ко вреду фабричныхъ или батраковъ? Совсѣмъ напротивъ. Прирѣзка земли умень итъ нищету въ деревнѣ. Оттуда уже не будутъ отправляться на заработки цѣлыя арміи голодныхъ крестьянъ, готовыхъ съ голоду работать чуть не задарма и донельзя сбивающихъ цѣны на рабочую силу. Отъ одного этого заработная плата всѣхъ наемныхъ рабочихъ очень сильно повысится. Но кромѣ того, зажиточная деревня не будетъ уже жить впроголодь. Она станетъ покупать гораздо больше всякихъ товаровъ, отъ этого пойдетъ быстрѣе развитіе промышленности, потребуется еще больше рабочихъ, и они смогутъ добиться еще болѣе выгодныхъ условій труда. Вотъ крестьянамъ, тѣмъ, дѣйствительно, *не всѣмъ* есть расчетъ поддерживать

нѣкоторыя требованія рабочихъ. Напримѣръ, тѣ крестьяне, которые сами держатъ батраковъ, не согласятся на сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ, такъ какъ имъ есть расчетъ морить своихъ батраковъ на работѣ возможно больше. Но Рабочая Партія вовсе и не ждетъ себѣ поддержки отъ *всѣхъ* крестьянъ, она обращается только къ деревенской *бѣднотѣ*. Деревенская же бѣднота не держитъ батраковъ, а, наоборотъ, очень часто и сама идетъ въ батраки да поденщики. Ей-то восьмичасовой рабочій день будетъ и самой очень на руку. Стало быть, деревенской бѣднотѣ и въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, есть полный расчетъ поддерживать Рабочую Партію.

—Все это хорошо—скажетъ какой-нибудь вдумчивый труженикъ.—Только вотъ что мнѣ сомнительно. Ну, постановятъ наши депутаты въ Учредительномъ Собраніи, чтобы вся земля перешла въ руки народа. Ну, передѣлятъ ее всю по клочкамъ. Легче отъ этого станетъ крестьянамъ, нѣтъ спора. Но не пострадаетъ ли отъ этого все наше народное хозяйство? Хорошо ли это будетъ, если мы сразу порѣшимъ все крупное землевладѣніе? Вѣдь на большомъ пространствѣ земли много правильнѣе можно хозяйство поставить, чѣмъ на крестьянскихъ клинушкахъ. И машинамъ тамъ есть гдѣ разгуляться, и новые способы хозяйства для образца прочимъ мелкимъ земледѣльцамъ испробовать легче... И урожаи гораздо больше въ крупныхъ экономіяхъ, и труда тамъ меньше затрачивается на обработку... Кабы еще больше не понизилась у насъ урожайность земли отъ раздробленія крупныхъ помѣщичьихъ экономій. Кабы еще больше не обѣднѣла отъ этого наша родина!

Напрасная тревога,—слѣдуетъ отвѣтить на такія

сомнѣнія. Правда, крупныя имѣнія урожайнѣе мелкихъ, но не всегда. Урожайнѣе, или, какъ говорятъ, производительнѣе, они лишь тогда, когда ихъ обрабатываютъ такими дорогими машинами, какихъ нельзя имѣть каждому бѣдняку для своей маленькой полоски, когда ихъ унаваживаютъ не жалѣючи и такъ далѣе. Но развѣ такъ обстоитъ дѣло у насъ? Изъ 60 милліоновъ всей удобной частновладѣльческой, удѣльной и казенной земли, годной для сельско-хозяйственной обработки, до 50 милліоновъ десятинъ и теперь находится въ крестьянской арендѣ. Значитъ, дѣло идетъ не о переходѣ этой *земли* къ крестьянамъ, она и такъ ужъ у нихъ,—а о томъ, кому долженъ доставаться *доходъ* отъ этой земли. Но, конечно, земля безъ приложенія къ ней труда не даетъ ни гроша, и, стало быть, весь доходъ отъ нея долженъ доставаться тѣмъ, кто на ней трудится и владѣетъ ею на дѣлѣ, а не тѣмъ, кто лишь считается ея владѣльцемъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ не о раздробленіи этихъ 50 милл. десятинъ земли на мелкіе участки, потому что она и такъ ужъ раздроблена между крестьянами и обрабатывается ими еще хуже надѣльной земли: крестьянину-арендатору не изъ чего особо холить и унаваживать *чужую* землю... Изъ остальной частновладѣльческой земли нѣсколько милліоновъ десятинъ принадлежитъ опять-таки деревенской бѣднотѣ; сюда относится, напримѣръ, земля, купленная черезъ крестьянскій банкъ. Что же остается на долю *крупнаго* помѣщичьяго хозяйства? Сущіе пустяки. Да и изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, половина обрабатывается крестьянскимъ же скотомъ и орудіями въ отработку за аренду или другіе долги помѣщикамъ. Съ переходомъ въ руки крестьянства, освобожденнаго отъ непомѣрныхъ налоговъ и аренды, всѣ эти земли

будутъ обрабатываться много лучше нынѣшняго. Правда, кромѣ нихъ, остается все же еще какая-то весьма незначительная доля господской земли, главнымъ образомъ, на югѣ и въ степныхъ губерніяхъ, которая и теперь обрабатывается дорогими машинами посредствомъ наемнаго труда и даетъ довольно высокіе урожаи. Но про эти немногія крупныя экономіи еще неизвѣстно, станутъ ли ихъ крестьяне дѣлить на кусочки.

—А какъ же? Неужто оставятъ помѣщикамъ?

Нѣтъ, зачѣмъ же помѣщикамъ? Земля вся должна перейти къ народу. Только, *какъ* народъ станетъ ею распоряжаться, вотъ въ чёмъ вопросъ. Разно объ этомъ думаютъ и въ крестьянствѣ, и среди крестьянскихъ друзей изъ другихъ партій. Одни совѣтуютъ просто подѣлить всю землю уравнительно, по ѣдокамъ, на все крестьянство, а понадобится черезъ нѣсколько лѣтъ—опять передѣлить. Другіе стоятъ тоже за передѣлъ, но только не въ общинное, а въ подворное владѣніе безъ передѣловъ. А третьи совѣтуютъ совсѣмъ ничего не дѣлить, а владѣть всею землей сообща. Разное вообще совѣтуютъ, а на чемъ порѣшитъ Учредительное Собраніе, объэтомъ можно пока только гадать.

Дѣло въ томъ, что всеобщій земельный передѣлъ, даже если бы на него всѣ согласились, дѣло вовсе не легкое. Прежде всего земля не вездѣ ровна: гдѣ хороша, гдѣ хуже, а гдѣ и вовсе плоха. Поровну ею всѣхъ надѣлить,—неладно будетъ. А затѣмъ не ровно и населеніе, гдѣ богаче землей, а гдѣ бѣднѣе, гдѣ порѣже живетъ, а гдѣ погуще. Въ одномъ мѣстѣ тѣснота земельная страшная, а барскихъ и прочихъ земель мало—неоткуда, значитъ, вдосталь прирѣзать. А въ другихъ губер-

ніяхъ, наоборотъ, барскихъ имѣній пропасть, а крестьянъ мало, да и своей земли у нихъ порядочно; если, стало быть, имъ еще и всю барскую передѣлить, такъ больно жирно будетъ по сравненію съ другими крестьянами. Какъ же тутъ быть? Переселять крестьянъ изъ бѣдныхъ землей губерній въ богатыя, что ли? Но едва ли многіе крестьяне согласятся разворять все свое хозяйство и переѣзжать на чужую сторону всего изъ-за какихъ-нибудь двухъ-трехъ лишнихъ десятинъ на дворъ. Если ужъ кто рѣшится ѣхать, такъ лучше ужъ поѣдетъ въ Сибирь, на полное земельное раздолье. А здѣсь, въ Россіи, разверстай хоть всю землю поровну, все равно больше какъ раза въ полтора запашку не увеличишь.

—Какъ же тутъ поступить?

Очевидно, такъ придется. Тамъ, гдѣ земли мало, гдѣ она и такъ почти вся въ крестьянской арендѣ, тамъ ее безъ долгихъ разговоровъ передѣлятъ всю между крестьянами. Тамъ же, гдѣ окажется избытокъ помѣщичьей земли, гдѣ у крестьянъ и своей земли порядочно, по сравненію съ крестьянами другихъ губерній, тамъ крупныя экономіи съ богатымъ обзаведеніемъ, хозяйственнымъ инвентаремъ и дорогими машинами не станутъ дѣлить а передадутъ цѣликомъ въ распоряженіе мѣстнаго народнаго самоуправленія. Конечно, дѣйствительно *народнаго*, то есть избраннаго всеобщимъ голосованіемъ самоуправленія, а не такого господскаго, какъ наши прежнія уѣздныя и губернскія земства. Хозяйство въ такихъ общественныхъ экономіяхъ велось бы наемнымъ трудомъ, но при высокой заработной платѣ и при 8-часовомъ рабочемъ днѣ, весь же доходъ съ нихъ натурой или деньгами шелъ бы на *общенародныя* потребности. Если бы, напримѣръ, въ какой-нибудь губерніи градомъ весь хлѣбъ побило,

или засуха, или саранча весь урожай сгубили,—сейчасъ бы въ эту губернію изъ общественныхъ экономій хлѣба, сколько нужно, доставили и отъ голода населеніе избавили... Точно также не придется дѣлить, вѣроятно, и всѣ лѣсныя богатства, потому что они распредѣлены по Россіи еще менѣе равномѣрно. Въ однихъ мѣстахъ ихъ цѣлая гибель, а въ другихъ совсѣмъ степь, такъ что даже протопиться нечѣмъ, кромѣ развѣ котяховъ, да соломы. Лѣса тоже должны принадлежать всему народу, тогда ими смогутъ безплатно пользоваться не только мѣстные жители, но и населеніе безлѣсныхъ губерній, вообще весь нуждающійся, трудящійся людъ.

Оно было бы хорошо, если бы крестьяне и всю свою землю не дѣлили на клинушки, а запахали бы всѣ межи и стали обрабатывать ее сообща цѣлыми деревнями. Сообща бы пахали, сообща и хлѣбъ собирали, а тамъ по нуждѣ каждаго и брали себѣ, сколько нужно, хлѣба изъ общаго запаса. Если бы въ одной мѣстности случился неурожай,—изъ другихъ бы мѣстъ добавили. На другой годъ, глядишь, въ другихъ мѣстахъ нехватка оказалась бы,—отсюда бы свой избытокъ послали. А главное, при такомъ общественномъ хозяйствѣ на крупныхъ земельныхъ участкахъ не только ни пяди земли зря на межи разныя не пропадало бы, но и урожаи земля во много разъ больше давать бы стала, а труда меньше требовала. Потому что міръ—великій человѣкъ. Онъ бы могъ и машины завести, что ни на есть лучшія, и орошеніе искусственное устроить, и скотъ породистый развести, и удобренія имѣть, сколько нужно, вообще могъ бы сдѣлать многое, что совсѣмъ было бы не подъ силу одному человѣку, да и непригодно для одинокой крестьянской полоски. Но не сразу домъ строит-

ся. Не привыкли еще наши крестьяне къ такимъ мыслямъ. Не согласить ихъ на это всѣхъ заразъ.

Поэтому надо думать, что всю пахотную землю, кромѣ очень немногихъ крупныхъ имѣній въ многоземельныхъ губерніяхъ, крестьяне передѣлятъ между собою. И вопросъ теперь только въ томъ, какъ они ее передѣлятъ? Въ подворное ли владѣніе, или въ общинное пользованіе, съ передѣлами черезъ извѣстное число лѣтъ? Но и тутъ можно сказать навѣрняка, что по разному будутъ дѣлить въ разныхъ мѣстахъ. Въ однихъ мѣстахъ, гдѣ ужъ привыкли къ подворному владѣнію, не захотятъ, вѣроятно, перейти къ общинной черезполосицѣ и передѣламъ. Нѣтъ, мы не согласны—скажутъ тамъ—тратить въ свою землю и навозъ, и труды, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ потерять ее, а взамѣнъ получить истощенную полоску какого-нибудь маломощнаго сосѣда, который только засорялъ свою землю, а не навозилъ. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ еще крѣпки общинные порядки, будутъ говорить другое.—А какъ же быть,—скажутъ тамъ,—если черезъ нѣсколько лѣтъ въ однѣхъ семьяхъ прибудетъ ѣдоковъ и работниковъ вдвое, а въ другихъ еще убавится? Неужто оставить одному двору на 2 души столько же земли, сколько въ другомъ душъ на 6 или на 8 приходится? Въ такихъ мѣстахъ оставятъ, очевидно, общинные порядки и послѣ прирѣзки.

—Ну, а какъ соціаль-демократы думаютъ? Что было бы для крестьянъ выгоднѣе—подворное владѣніе или общинные порядки?

Они думаютъ, что и такъ и этакъ—однимъ будетъ хорошо, а другимъ худо. Вѣдь и въ деревнѣ не ровенъ человѣкъ человѣку. Конечно, отъ прирѣзки, на первое время въ особенности, *всѣмъ* станетъ легче, но

не одинаково. Крестьянской бѣдноте, всѣмъ безлошадным и однолошаднымъ, то есть большинству крестьянства, не надолго полегчаетъ и отъ прирѣзки. Вѣдь, чтобы правильно вести хотя бы и маленькое хозяйство, кромѣ земли, нужно имѣть и капиталецъ порядочный, вонъ какъ у колонистовъ, у которыхъ хозяйственный инвентарь по нѣсколько тысячъ рублей стоитъ у каждаго. А гдѣ его взять бѣдняку? Вотъ и съ лишней землей нечего ему будетъ дѣлать, нечѣмъ будетъ ни вспахать, ни засѣять ее, какъ слѣдуетъ. Другое дѣло разные кулаки-міроѣды. У этихъ хватило бы капиталу не только для обработки своей земли, но и для скупки по вольнымъ цѣнамъ всей земли у крестьянской бѣдноты. Зѣвать они, конечно, не стали бы и лѣтъ черезъ 10, много 20, такъ опутали бы своей кабалой всю бѣдноту, что не хуже нынѣшняго вышло бы.

— Ну, ладно. А если такой законъ установить, чтобы никто не смогъ ни покупать, ни брать въ аренду чужой земли, и вообще чтобы никто не имѣлъ больше земли, чѣмъ сколько онъ самъ безъ батраковъ со своей семьей только обработать сможетъ?

Законъ такой издать можно. Земля, навѣрное, будетъ объявлена всенародной собственностью, и торговать ею никому не позволятъ. Но дѣло здѣсь не въ законахъ. Если въ рукахъ кулаковъ будетъ денежная сила, а вокругъ нихъ—нищета, то и наилучшій законъ ничему не поможетъ. Всякій законъ можно обойти, если этого чья-нибудь выгода требуетъ, а тутъ и богатые, и бѣдные одинаково станутъ обходить этотъ законъ, потому что онъ будетъ стѣснять и тѣхъ, и другихъ. Даже если за спиною каждаго гражданина поставить по полицейскому для надзора за исполненіемъ такого закона, и

тогда ничего изъ этого не выйдетъ. Развѣ мы не видимъ по опыту, къ чему служитъ полиція? Развѣ не полицейскіе первые нарушаютъ за грошъ всѣ не только человѣческіе, но и божескіе законы? Нѣтъ, на законы съ полиціей плоха надежда, не бѣднотѣ они всегда и вездѣ служатъ, а силѣ и богатству.

— Такъ какъ же быть?

Прежде всего—не устанавливать одинаковыхъ порядковъ для всей Россіи, а предоставить крестьянамъ на мѣстахъ устраиваться съ землей, какъ имъ самимъ выгоднѣе покажется. Гдѣ захотятъ владѣть подворно, пусть владѣютъ подворно, гдѣ пожелаютъ сохранить передѣлы, пусть сохраняютъ. А тѣмъ временемъ нужно подумать объ устройствѣ такихъ порядковъ, при которыхъ исчезла бы *самая возможность всякой кабалы*, самая *возможность* обогащенія однихъ людей на счетъ другихъ. Тогда ужъ не нужно будетъ придумывать для защиты бѣдноты ни особыхъ законовъ, которыхъ никто не сталъ бы исполнять добровольно, не нужно будетъ и особой полиціи для принужденія исполнять такіе законы... Дѣло въ томъ, что крестьянъ давитъ нынче трехъ родовъ кабала—1) податная, 2) полукрѣпостническая помѣщичья и 3) торгово-капиталистическая—со стороны разныхъ кулаковъ и толстосумовъ. Отъ первой и второй мы уже знаемъ какъ избавиться. Податной гнетъ можно переложить на богатыхъ, землю передать народу. Но отъ третьей кабалы мы этимъ еще не избавимся. Если же эта третья—капиталистическая—кабала останется, такъ и другія могутъ назадъ вернуться. А отъ этой кабалы избавиться много труднѣе, чѣмъ отъ прочихъ, и не сразу съ нею сладитъ рабочій народъ.

— Какая же это кабала такая?

А вотъ какая. Почти всѣ товары изготовляются нынче не ручнымъ способомъ, а дорогими инструментами и машинами въ громадныхъ фабрикахъ и заводахъ, стоющихъ милліоны рублей. Бѣдному труженику, какому-нибудь кустарю, напримѣръ, нечего и соваться соперничать съ машиннымъ производствомъ. Машинный гвоздь, скажемъ, во столько разъ дешевле выходитъ ручного, что кустарный гвоздарь долженъ былъ бы помереть съ голоду, если бы захотѣлъ угоняться дешевизной своего товара за машиннымъ. Что же изъ этого выходитъ? Да то, что бѣдному труженику, особенно, если онъ безземельный, ничего другого не остается, какъ идти въ наймы къ богатымъ капиталистамъ и запродавать имъ свое послѣднее достояніе—рабочую силу. Ну, и обираютъ его тамъ, конечно, сколько влѣзетъ. Потому что бѣдняку некуда отъ нихъ податься,—нельзя ему уйти отъ своего хозяина фабриканта да собственную фабрику устроить, нѣтъ у него капитала.

Но господа капиталисты обираютъ не только тѣхъ тружениковъ, которые работаютъ у нихъ по найму. Не милуютъ они и всю прочую трудящуюся бѣдноту. Дѣлается это очень просто. Крестьянинъ или кустарь продаетъ свой товаръ, напримѣръ, хлѣбъ, *отъ нужды*, и мы ужъ видѣли, что, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ дешевле ему приходится уступать этотъ товаръ всякимъ скупщикамъ. А фабриканты-капиталисты, вмѣстѣ съ цѣлой ратью мелкихъ піявицъ, торговцевъ, маклаковъ и прочихъ міроѣдовъ,—продаютъ свои товары *ради наживы*. Не дашь ему той прибыли, какой онъ хочетъ, не продастъ,—вотъ и вся недолга. У другого тоже не купишь, потому что всѣ они въ стачкѣ противъ покупателя находятся и скорѣе бросятъ товаръ свой свиньямъ, чѣмъ понизятъ

его цѣну хоть на грошъ мѣдный. Въ долгъ они бѣдному что дадутъ, такъ опять-таки за проценты три шкуры сдерутъ потомъ. И вотъ отъ этой кабалы неравенство между людьми все увеличивается. Богатые, кулаки и міроѣды все больше богатѣютъ, а бѣднота еще сильнѣе раззоряется и сама уже, волей-неволей, въ кабалѣ у богатыхъ, словно мухи въ тенетахъ у пауковъ, все больше запутывается.

— Какъ же избавиться отъ этой кабалы?

Облеччить ее есть разныя средства, но устранить совсѣмъ, вырвать съ корнемъ ее можно лишь тѣмъ же путемъ, какъ и налоговую, и земельную кабалу. Налогами господское правительство давило бѣдноту, опираясь на свою власть,—за нимъ вѣдь были штыки. Но стоило вырвать у него изъ рукъ это орудіе кабалы—власть, стоило только передать ее въ руки народа, чтобы покончить и съ налоговой кабалой. Народное правительство отмѣнитъ косвенные налоги и переложитъ податную тяготу равномѣрнѣе на тѣхъ, кому по силамъ нести ее. Помѣщики держатъ крестьянъ въ кабалѣ, пользуясь тѣмъ, что необходимая крестьянамъ до зарѣзу земля находится въ полномъ ихъ распоряженіи. Но стоитъ лишь отнять у нихъ это орудіе закабаленія, то есть землю, и передать народу,—вотъ и нечѣмъ ужъ имъ будетъ обирать народъ. Также и съ капиталистами. Обираютъ они народъ, пользуясь тѣмъ, что въ ихъ рукахъ сосредоточены всѣ фабрики, заводы, рудники, желѣзныя дороги, вообще всѣ необходимыя народу для труда средства производства. Но стоитъ лишь отнять у нихъ всѣ эти средства и передать народу, какъ сразу же выпадетъ у нихъ изъ рукъ ихъ единственное орудіе закабаленія трудящейся бѣдноты. И тогда не нужно будетъ законовъ

противъ закабаленія, потому что и безъ нихъ никто при всемъ желаніи не сможетъ обирать другого.

— Какъ же это всѣ фабрики и заводы или желѣзныя дороги передать народу? Передѣлить ихъ между всѣми, что ли? Какъ же ихъ раздѣлить? По винтикамъ развинтить, что ли, да раздать—одному болтъ, другому гайку? Такъ вѣдь отъ этого никому прибыли не будетъ.

Совершенно вѣрно. Рабочіе это прекрасно знаютъ, и поэтому вовсе не собираются *дѣлить* между собою машины и прочія орудія труда. Они хотятъ только, чтобы всѣ фабрики, заводы, какъ и всѣ прочія средства производства, какъ и земля, стали общественной собственностью всего народа. Съ виду, значитъ, все осталось бы почти попрежнему,—только всѣ товары стали бы уже изготовляться не ради наживы немногихъ хозяевъ-капиталистовъ, а на общую всенародную пользу. Дѣлить фабрики и заводы нѣтъ расчета, это значитъ только обезцѣнить ихъ совершенно. Да и землю дѣлить не больно выгодно, только пока это не такъ замѣтно. Когда же машины и въ земледѣліи станутъ играть такую же крупную роль, какую онѣ играютъ уже давно въ промышленности, тогда и крестьяне не захотятъ обезцѣнивать землю раздѣломъ ея на тысячи ничтожныхъ полосокъ, съ которыми не много больше сдѣлаешь, чѣмъ съ однимъ болтомъ отъ цѣлой желѣзной дороги.

— Какъ же тогда велось бы хозяйство безъ хозяевъ? Кто же сталъ бы управлять всѣми фабриками, да и земельнымъ хозяйствомъ?

Общественными фабриками управляли бы выборные отъ рабочихъ, а общественными экономіями—выборные отъ крестьянъ-землепашцевъ. Тѣ же крестьяне, которые, не понимая собственной пользы, захотѣли бы по-ста-

рому хозяйствовать на своихъ полоскахъ въ одиночку,— сами бы и хозяйствовали на нихъ, пока добровольно не согласились бы перейти къ болѣе выгодной общественной обработкѣ.

— Но справились ли бы выборные отъ рабочихъ съ такимъ труднымъ дѣломъ, какъ управленіе громадными промышленными предпріятіями.

Отчего же нѣтъ? Вѣдь имъ никто не мѣшалъ бы въ случаѣ нужды пользоваться услугами разныхъ ученыхъ спеціалистовъ, инженеровъ и агрономовъ, безъ которыхъ не обходятся и нынѣшніе хозяева-капиталисты.

— Ну, а рабочіе въ этихъ общественныхъ хозяйствахъ какъ, за плату, что ли, будутъ работать?

Зачѣмъ за плату? Деньги тогда совсѣмъ ничего не будутъ значить. Каждый станетъ тогда работать на всѣхъ и всѣ на каждаго, какъ дружные братья въ хорошей крестьянской семьѣ. Одинъ, братъ, скажемъ, плотничаетъ, другой пашетъ, третій еще чѣмъ-нибудь занимается, и все, что кто ни сдѣлаетъ,—все идетъ въ общее пользованіе. Такъ и тутъ будетъ. Крестьяне въ общественныхъ экономіяхъ будутъ заготовлять столько хлѣба, чтобы его хватило на всѣхъ, и на крестьянъ, и на фабричныхъ; урожай они не станутъ дѣлить между собою, а весь цѣликомъ сдадутъ въ общественные склады. Фабричные тоже будутъ изготовлять всѣ свои издѣлія,—и сахаръ, и ситцы, и машины,—въ такомъ количествѣ, чтобы на всѣхъ хватило, и тоже будутъ все сдавать въ общественные склады. А оттуда уже всякій труженикъ и будетъ забирать безъ всякой платы все, что ему нужно. и сколько ему нужно. Библіотеки, театры, почта, желѣзныя дороги —все это будетъ безплатно къ услугамъ всѣхъ и каждаго,—садись и поѣзжай, куда хочешь. А зато желѣз-

нодорожный рабочій или почталіонъ, или вообще всякій другой, чьимъ трудомъ ты пользуешься, сможетъ взамѣнъ этого и твоимъ трудомъ воспользоваться—взять изъ общественныхъ складовъ все, что ему потребуется. И никому это не будетъ обидно, потому что на всѣхъ хватитъ. Деньги то, вишь, и ни къ чему будутъ.

— А кто же господъ кормить будетъ?

Не будетъ тогда никакихъ господъ. Не будетъ ни князей, ни дворянъ, ни крестьянъ—всѣ будутъ граждане. Не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни хозяевъ, ни слугъ, а будутъ всѣ братья-работники. Всѣ будутъ работать, потому что дармоѣдовъ никто тогда кормить не захочетъ.

— Ну, а если одни будутъ налегать на работу по совѣсти, а другіе захотятъ отлынивать, будутъ только дѣлать видъ, что работаютъ? Не обидно ли будетъ старательнымъ за лѣнивыхъ отдуваться?

Это пустое опасеніе. Прежде всего тогда человѣческую рабочую силу будутъ очень беречь и вездѣ, гдѣ возможно, замѣнять ее машинами,—паромъ да электричествомъ. Работникамъ придется лишь присматривать за машинами да управлять ими. Къ тому же рабочій день при спорой машинной работѣ можно будетъ установить очень короткій. Кто же сталъ бы отлынивать отъ такой работы?

Не легко теперь крестьянину часовъ по 16 въ сутки соху изъ земли выворачивать, либо съ зорьки до зорьки косой помахивать. За такой работой не грѣхъ и залѣниться. Но развѣ это работа по два, по три часа въ день посиживать подъ зонтикомъ на сидѣніи какого-нибудь американскаго плуга или жнейки-сноповязалки да лишь кнутикомъ помахивать на свою четверку воронихъ или

сѣрыхъ? Не работа это, а одно удовольствіе, и никто не подумаетъ отъ такой работы отлынивать. А именно такова будетъ вся работа при соціалистическихъ порядкахъ, которыхъ добиваются соціаль-демократы.

Пусть же теперь крестьяне сами подумаютъ,—худа или добра желаютъ имъ и себѣ рабочіе соціаль-демократы. И если крестьяне-кулаки и міроѣды, которымъ и теперь живется не худо, не пойдутъ за рабочими, то крестьянская бѣднота рано или поздно признаетъ въ нихъ своихъ братьевъ. Она убѣдится на своей шкурѣ, что только въ соціализмѣ, къ которому ее зоветъ Рабочая Партія, она найдетъ не временное лишь облегченіе, а окончательное избавленіе отъ всякой кабалы и угнетенія. И тогда на черносотенный кличъ: „Долой забастовщиковъ! Долой соціаль-демократовъ!“—крестьянская бѣднота отвѣтитъ своимъ:

—„Долой клеветниковъ и насильниковъ! Да здравствуетъ свобода и соціализмъ!“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Тип. „Экономія“. Петр. Стор., Геслеровскій, 15-а.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Аристократія духа и профаны. Два идеала. П. 1910 г. 204 стр., распрод.

Богатство и трудъ. Популярно-научн. очеркъ, 2-ое изд. 1906 г. распрод., печат. 3-е изд.

Что читать соціалдемократу? П. 1906 г. Конфисковано.

Богъ и свобода. Что говорятъ соціалдемократы въ защиту свободы совѣсти. Конфиск., печат. 2-ое изд.

Община и земельный вопросъ. М. 1907 г. Конфиск., печат. 2-ое изд.

Цѣна 35 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ.

Петроградъ, Фурштадтская, 40. Телеф. 92.